

АЛЕКСАНДР ПРУСИН

Гончаренко О.М. Голокост на території Київщини: загальні тенденції та регіональні особливості (1941–1944 рр.). Дис. на здоб. наук. ступ. канд. істор. наук за спец. 07.00.01 (Історія України). – Переяслав-Хмельницький: Державний педагогічний університет ім. Г. Сковороди, 2005. – 272 с.
На правах рукопису

В работе преподавателя Переяслав-Хмельницкого государственного педагогического университета Алексея Гончаренко раскрывается одна из малоизвестных страниц Холокоста в Украине – уничтожение нацистами евреев в центральных и восточных областях республики. По сравнению с западными областями СССР, на которых до недавнего времени в основном концентрировались усилия исследователей Холокоста, эти области, по ряду причин, оставались своеобразной *terra incognita*. В результате более форсированного «окончательного решения еврейского вопроса» еврейское население в центральных и восточных областях Украины в основном было уничтожено к лету 1942 г. Соответственно для исследователей массовый расстрел в Бабьем Яру стал практически завершающей главой трагедии евреев приднепровских регионов. Уже поэтому работа Гончаренко, написанная на основе архивных источников и публикаций, заслуживает особого внимания.

Библиография диссертации внушительна. Автор использовал как многочисленные архивные материалы, включая ранее недоступные следственные дела из архива Службы безопасности Украины, так и публикации советского и постсоветского периодов. Особый интерес для читателя представляет часть работы, посвященная описанию пропагандистских усилий оккупационного режима, направленных на отождествление евреев с советским режимом, террором и голодом 1930-х гг. Хотя вопрос об эффективности этой пропаганды требует дополнительных научных изысканий, механизмы психологического воздействия оккупантов на население являются наглядным примером

использования средств массовой информации как немецкой администрацией Киевской области, так и всей Украины, да и любым тоталитарным режимом в целом. Интересны комментарии автора по поводу правового статуса евреев в оккупационной административно-правовой системе. Инициатива дискриминации евреев исходила сразу от нескольких институций, хотя в данном случае не совсем ясны первоисточники цитируемых директив по «еврейскому вопросу». Например, исследователю было бы интересно узнать, насколько директивы министерства оккупированных восточных территорий, администрации рейхскомиссариата Украина, командования тыла группы армий «Юг» (последнему принадлежала инициатива начальных дискриминационных ограничений по отношению к евреям Украины), а также полиции безопасности и СД копировали Нюрнбергские законы 1935 г. Для этого автору стоило бы проанализировать нацистские идеологические постулаты, изложенные в так называемой «Коричневой папке», предусматривавшей геттоизацию как средство изоляции евреев и их полного исключения из социально-экономической и культурной жизни оккупированных территорий. Автор справедливо указывает, что политика геттоизации резко ограничила возможности сопротивления евреев, и таким образом одна из задач их изоляции была достигнута. Тем не менее, сопротивление геноциду отражалось в различных формах, таких как побеги из гетто, приобретение «арийских» документов и отказ выполнять постановления оккупационных властей. В этой ситуации спасение зависело от помощи местных жителей. В отличие от западных областей СССР, на восточных землях еврейские общинные связи были нивелированы советской политикой денационализации 1930-х гг., и вооруженное сопротивление евреев было возможным только в контексте советского партизанского движения и подполья. Последние, однако, активизировались только к весне и лету 1942 г., когда большинство евреев уже было уничтожено. Тем не менее, автор приводит примеры участия евреев в советских партизанских отрядах и подпольных группах Киевской области.

Вместе с тем в работе имеется ряд недостатков, на которые автору стоит обратить внимание при публикации диссертации. Так, несмотря на критику автором большинства работ по Холокосту как «описательных» (с. 6), он в основном следует той же методике, а диссертация, по сути, является добротным изложением, а не анализом проблематики. Хотя автор правильно акцентирует внимание на легализации антиеврейского террора как одного из кардинальных элементов нацистской идеологии (с. 40–42), прямолинейная – по схеме «Берлин–Киев» – связь между директивами высшего руководства Германии и оккупационной администрацией является недостаточной для понимания как нацистской политики в Украине в целом, так и механизмов уничтожения евреев. Решения, принятые в Берлине, часто носили тезисный характер

и видоизменялись на уровне оккупационной администрации. Сам автор указывает, что директивы РСХА (Главного управления имперской безопасности) ставили задачи эйнзатцкомандам только в общих чертах (с. 47). Динамика геноцида во многом зависела от офицеров и чиновников на местах, которые могли игнорировать и часто игнорировали приказы руководства. Например, в апреле 1942 г. Гиммлер отдал приказ о поголовном и «окончательном» уничтожении оставшихся в живых евреев, но в июле того же года на совещании командующих СС и полиции в Житомире он отмечал, что его приказ не везде выполняется. Более того, и гражданская администрация и даже полиция безопасности продолжали использовать небольшие группы евреев-специалистов и рабочих, как, например, в Умани, в рабочих лагерях Буки, Смильченцы, Неморож и других вдоль так называемого «стратегического шоссе IV» до 1943 г., т. е. в течение длительного времени после того, как немецкие административные, военные и полицейские управления заявили, что Украина стала «свободной от евреев».

Неясно значение приложенных к работе документов, так как автор оставил их без комментариев. Возникает также вопрос, почему автор не включил в работу Киев как столицу Генерального округа Киев (административная единица рейхскомиссариата Украина, включавшая Киевскую, а с сентября 1942 г. и Полтавскую область). Ведь даже после трагедии Бабьего Яра некоторые евреи оставались в городе на протяжении всей оккупации, и их жизнь зависела от отношения местного населения. Анализ таких отношений во многом дополнил бы главу диссертации, посвященную поведению украинского населения области во время Холокоста.

Несмотря на детальное описание автором уничтожения евреев, остается непонятным, чем отличались методы карателей в других областях, например, в соседней Житомирской. Ведь независимо от того, в чьем ведении находилась данная территория – военных или гражданских властей – деятельность эйнзатц- и зондеркоманд зависела от их оперативного подчинения и темпов продвижения немецкой армии на восток. Так, задержка под Киевом позволила карателям более тщательно «прочесать» правобережье Днепра. Автор также упустил из виду созданные на основе уничтоженных гетто рабочие лагеря евреев, история которых безусловно представляет научный интерес.

Пробелом работы является то, что автор практически не использовал труды западных специалистов по проблеме. Упомянув некоторые из них, он не попытался изучить вклад их создателей в историографию проблемы. Соответственно, категорическое заявление о том, что «проблемы Холокоста в Украине вообще и на Киевщине в частности западной историографией практически не рассматривались» (с. 18), свидетельствует о незнании наиболее известных западных изданий по исследуемой проблеме. Хотя Киев-

ская область действительно не являлась предметом специального изучения, но работы таких ученых, как Мартин Дин и Венди Лауэр¹ (правда, последняя работа вышла в том же 2005 г., что и рецензируемая диссертация), не говоря уже о классических трудах Александра Даллина или Джеральда Рейтлингера², содержат глубокий анализ нацистской политики на оккупированных территориях СССР, включая Украину, а книга Карела Беркхоффа³ детально освещает ее и на Киевщине. Эти и другие исследования, несомненно, дополнили бы работу.

Одним из наиболее спорных и болезненных аспектов Холокоста является участие в нем местного населения. На основе следственных дел бывших коллаборационистов автор попытался исследовать мотивы поступления на службу в полицию, варьирувавшиеся от желания отомстить за сталинские репрессии до стремления продвинуться по социальной лестнице и воспользоваться материальными возможностями носителя власти. К сожалению, автор не в полной мере использовал доступные ему материалы, а принял за отправную точку доминировавшую в советское время аксиому об «ограниченной группе коллаборационистов» (с. 5) и «люмпенизированных и маргинальных элементах» (с. 77), принявших участие в геноциде.

Действительно, количество местных полицейских составляло примерно один процент населения рейхскомиссариата Украина. Тем не менее, нужно принять во внимание, что именно они, хорошо знавшие местные условия и население, были вооруженной опорой режима (а в селах зачастую единственной). Ведь и количество функционеров немецкой полиции безопасности и СД на территории Украины не превышало полутора тысяч человек. Однако их роль в уничтожении советского подполья, партизан и мирного населения свидетельствует об эффективности аппарата насилия. Точно так же роль 150 тысяч местных полицейских в составе этого аппарата нельзя расценивать с сугубо математической точки зрения.

Характеризуя действия украинской вспомогательной полиции как «технические» (с. 163), автор заявляет, что в то время, как «часть полицейских приняла участие в уничтожении евреев, не менее значительная (Sic! – *A.II.*) часть принимала участие в их спасении» (с. 172). Более того,

¹ *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. – New York: St. Martin's Press, Inc., 2000. – 241 p.; *Lower W.* Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2005. – 307 p.

² *Dallin A.* German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Polices. – New York: St Martin's Press Inc., 1957. – 707 p.; *Reitlinger G.* The House Built on Sand: The Conflicts of German Policies in Russia 1939–1945. – New York: The Viking Press, 1960 – 459 p.

³ *Berkhoff K.C.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. – Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 2004. – 463 p.

отмечая важную роль ОУН в создании полицейского аппарата (с. 43), автор тут же ссылается на отсутствие документальных источников об участии членов ОУН в Холокосте. На фоне солидной в целом работы такие заявления свидетельствуют о живучести «охранительных» тенденций, тем более излишних, что ни один серьезный исследователь в Украине или за рубежом не утверждает, что все украинцы были антисемитами. В этой связи автору стоило бы глубже исследовать еврейско-украинские отношения на Киевщине в межвоенный период и оценить не только «латентный государственный антисемитизм» (с. 70), но и практику житейских взаимоотношений.

В некоторых местах работа нуждается в более тщательном редактировании. Например, имя известного немецкого исследователя «Д. Поль», а не «П. Дитер» (с. 17), точно так же как и рейхсфюрером СС был Г. Гиммлер, а не Г. Геринг (с. 46).

Однако, несмотря на указанные недостатки, данная диссертация является заметным вкладом в историографию Холокоста, и хочется надеяться, что это только первый шаг автора на пути к углубленному анализу заявленной темы.